

ШИРЛИ ДЖЕКСОН

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

«Лучший автор
новой американской
готики».

– Стивен Кинг

Вселенная Стивена Кинга

Ширли Джексон
Солнечные часы

«Издательство АСТ»

1958

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джексон Ш.

Солнечные часы / Ш. Джексон — «Издательство АСТ»,
1958 — (Вселенная Стивена Кинга)

ISBN 978-5-17-148720-1

В роскошном особняке семейства Хэллоран, владелец которого недавно скончался при довольно подозрительных обстоятельствах, происходят странные события. Старую деву тетю Фанни снова и снова посещает дух давно умершего отца, который сообщает о грядущем конце света, пережить который смогут только обитатели дома. Хэллораны и их друзья принимают видения всерьез, поэтому начинается одновременно смешная и страшная подготовка к грядущему апокалипсису.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-148720-1

© Джексон Ш., 1958
© Издательство АСТ, 1958

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
Глава вторая	22
Глава третья	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ширли Джексон

Солнечные часы

Посвящается Бернис Баумгартен

Shirley Jackson

THE SUNDIAL

© Shirley Jackson, 1958

Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Предисловие

В 2007-м мы с моей девушкой пошли в кино смотреть последний фильм братьев Коэнов «Старикам тут не место». Кинотеатр был переполнен, однако нам удалось занять приличные места. К тому времени мы встречались уже год и знали друг друга довольно неплохо; и все-таки я понимал – она наверняка тоже, – что за такой срок трудно узнать человека достаточно близко, на каком-то глубинном уровне. Вроде бы и весело вместе, но при этом подсознательно ждешь, когда проявится истинная сущность человека и можно будет решать, стоит ли игра свеч. Я не думал об этом всерьез, когда погас свет и начался фильм, тем не менее вопрос висел в воздухе: либо переходить на новый уровень, либо прощаться. Тут на экране появились пейзажи Техаса, заговорил Томми Ли Джонс («Я был шерифом с двадцати пяти лет»). Аудитория, включая нас с Эмили, затихла.

К концу этого потрясающего фильма Томми Ли Джонс, который играл старого шерифа, сидит за кухонным столом с женой. Фильм плавно перетек из криминальной драмы в притчу о смерти, о фатальности, которую невозможно избежать. Смерть в той или иной форме находит каждого; ее нельзя убедить, перехитрить, запугать. Усталый Томми Ли Джонс сидит на кухне, и его усталость вполне понятна. Герой надеялся, что честность, компетентность, доброта спасет его от судьбы, настигшей многих других. Он рассказывает жене о двух снах, которые видел прошлой ночью; второй сон одновременно жуткий и навевающий смирение: законник наконец понимает, что смерть придет и за ним, как и за его отцом, и за любым другим человеком.

Пока Томми Ли Джонс пересказывал сны, я на секунду отвел взгляд от экрана, почувствовав какое-то движение. Глянув налево, я увидел мальчика лет девяти-десяти. С виду высокий, но очень худой. Медная кожа и большие глаза эфиопа создавали странное ощущение чего-то неземного, особенно в атмосфере темного кинотеатра.

Мальчик шел по проходу, вращая головой и сканируя взглядом помещение. Большие блестящие глаза следили за каждым зрителем, пока Томми Ли Джонс гремел с экрана.

Должно быть, Эмили заметила, что я отвлекся. Она чуть подалась вперед и тоже увидела мальчика. Первым ее желанием было помочь ребенку. Как и я, она догадалась, что парень ищет в темноте свое место, где сидел, возможно, с родителями. С другой стороны, какой родитель приведет десятилетнего мальчика на фильм братьев Коэнов, особенно этот? По возрасту он казался здесь так же не к месту, как и по внешности, словно прибыл из другого мира. Я перевел взгляд на экран: Томми Ли Джонс закончил монолог, вздохнул, и его глаза увлажнились от внезапного *осознания*. В этот момент Эмили подняла левую руку, собираясь помахать мальчику, но я схватил ее за руку и вернул на подлокотник.

– Не зови его! – шепнул я.

Я знал, что она не поймет, и все же произнес эту фразу.

Эмили взглянула на меня в темноте. Наши лица были едва видны в тусклом свете экрана. Она сузила глаза и прошептала:

– Потому что он – смерть?

В ту секунду я понял, что Эмили станет моей женой.

Так зачем же я рассказываю вам эту историю?

Я всего лишь пытаюсь передать свои ощущения от первого знакомства с творчеством Ширли Джексон. В отличие от персонажей «Солнечных часов», я вырос не в просторном, немного зловещем особняке в Новой Англии, а в многоэтажном доме в Квинсе, и в семействе Лавалей не было патриарха, чье имя мы произносили как молитву (подобно Хэллоранам на страницах этой книги). И все же, открыв «Солнечные часы», я почувствовал знакомое ощущение родства, узнавания – совсем как тогда, в кинотеатре, когда моя будущая жена прочитала мои мысли.

Роман «Солнечные часы» носит некоторые черты самых известных произведений Ширли Джексон: здесь и огромное, величественное поместье, как в «Призраке дома на холме»; и когда-то большая, но теперь осиротевшая семья, как в романе «Мы всегда жили в замке»; и даже гнетущая атмосфера ее классического рассказа «Лотерея». Так чем же выделяются «Солнечные часы»? Почему они достойны прочтения? Да потому что «Солнечные часы» смешны до колик!

Эта фраза может удивить читателя. Казалось бы, читая зловещую историю одного из величайших американских авторов, вряд ли можно ожидать приступов смеха, способных разбудить спящую жену. Маленькое уточнение: когда я говорю «смешное», я не имею в виду «легкое», «глупое» или «веселое». Юмор «Солнечных часов» заставил бы рассмеяться даже гильотину.

Роман начинается с того, что семья Хэллоран возвращается с похорон Лайонела, наследника поместья: его столкнули с лестницы. Кто сотворил это ужасное деяние? Его собственная мать. По возвращении между вдовой Лайонела и ее десятилетней дочерью состоялся следующий разговор:

– *Может, свáлится замертво на пороге, – пробормотала молодая миссис Хэллоран, глядя вслед свекрови. – Фэнси, милая, ты бы хотела, чтобы бабушка свалилась замертво?*

– *Да, мама, – ответила Фэнси, одергивая длинный подол черного платья, которое бабушка заставила ее надеть.*

Не подумайте, что я намерен испортить вам удовольствие, цитируя этот уморительный отрывок. Это самое начало книги! Представляю себе лукавый взгляд Джексон из-под очков в круглой оправе: дальше будет еще интереснее!

Хэллораны и их приживальщики становятся чем-то вроде секты, когда тетя Фэнни получает пророческое сообщение от давно усопшего отца: тот явился единственной дочери, чтобы предупредить о конце света. Все живущие в доме должны подготовиться: закрыть двери и окна, отрезать себя от проклятого мира. За короткое время членов семьи охватывают паранойя и теория заговора. Постепенно они и сами начинают верить в то, что их избрали наследниками Земли. Яркими красками автор иллюстрирует их незавидную судьбу. Исчезнет целый мир, и это все, что останется?! Острый, безжалостный взгляд Джексон не щадит никого. Еще печальнее тот факт, что в некоторых персонажах я узнаю самого себя, свои худшие черты. От отчаяния спасает лишь остроумие Джексон, ее бесстрастное обличение человеческих слабостей. Для меня крайне важен подобный опыт восприятия; когда я открыл для себя Ширли Джексон, у меня возникло ощущение, что она предугадала мои желания, мои потребности и оформила все это на бумаге еще до моего рождения. Более того, момент узнавания всегда остается глубоким, практически меняющим жизненную парадигму, независимо от того, происходит ли это в темном зале кинотеатра или на страницах книг.

Еще при жизни Ширли Джексон успела насладиться известностью и коммерческим успехом – и все же недостаточным для писателя такого масштаба. Встречаясь с читателями и писателями моего поколения, я замечаю некую общность; произнося ее имя, я словно произношу пароль – обмен понимающими взглядами, улыбками, румянец благоговения... Она является нам, только не в пророческих снах, а в своих произведениях.

Виктор Лаваль

Глава первая

После похорон все вернулись в дом, теперь уже несомненно принадлежащий миссис Хэллоран, и неловко топтались в просторном холле. Миссис Хэллоран направилась в гостиную сообщить мистеру Хэллорану, что церемония прошла без мелодрам.

– Может, свалится замертво на пороге, – пробормотала молодая миссис Хэллоран, глядя вслед свекрови. – Фэнси, милая, ты бы хотела, чтобы бабушка свалилась замертво?

– Да, мама, – ответила Фэнси, одергивая длинный подол черного платья, которое бабушка заставила ее надеть.

Молодая миссис Хэллоран считала, что черный не подходит десятилетней девочке, да и вообще платье чересчур длинное, к тому же слишком простое и грубое для престижа семьи Хэллоран; утром у нее случился приступ астмы, словно в доказательство, однако Фэнси все равно одели в черное. Длинная юбка развлекала девочку во время похорон и в машине, и, если бы не присутствие бабушки, день определенно выдался бы чудесный.

– Я буду молиться об этом, пока жива, – заявила молодая миссис Хэллоран, набожно складывая руки.

– Хочешь, я ее столкну? – предложила Фэнси. – Как она столкнула папу?

– Фэнси! – воскликнула мисс Огилви.

– Пусть говорит, что хочет, – возразила молодая миссис Хэллоран. – Пусть запомнит хорошенько. Фэнси, детка, повтори, что ты сказала.

– Бабушка убила папу, – послушно повторила Фэнси. – Стокнула с лестницы и убила. Это сделала бабушка, правда?

Мисс Огилви возвела глаза к потолку, однако понизила голос, как приличествует в день траура:

– Мэри-Джейн, вы извращаете ум ребенка и к тому же лишаете ее шансов на наследство...

– В этот день, – заявила молодая миссис Хэллоран, придавая мышиному личику выражение укоризненного достоинства, – я хочу, чтобы вы все до единого запомнили раз и навсегда: Фэнси стала сиротой из-за мерзкой старухи, которая не вынесла, что дом принадлежит кому-то другому! А ведь я была его женой, возлюбленной спутницей жизни!

Она часто задышала и прижала руки к груди.

– Стокнула его с лестницы, – добавила она угрюмо.

– Я твоего отца бессмертный дух¹, – процитировал Эссекс, обращаясь к Фэнси.

Он зевнул и поерзал на бархатной кушетке.

– А где «похоронные пироги»?² Не собирается же старуха морить нас голодом, раз захватила все себе?

– Это неслыханно! – воскликнула молодая миссис Хэллоран. – Думать о еде, когда Лайонел еще не остыл в гробу! Фэнси!

Она протянула руку, и Фэнси неохотно подчинилась, взметнув черным подолом. Молодая миссис Хэллоран двинулась в сторону главной лестницы.

– Теперь мое место подле сироты, – сказала она через плечо. – Пусть принесут мой обед наверх, в детскую. Все равно у меня сейчас начнется приступ.

«Когда жить, если не теперь?»³ – гласила надпись черными готическими буквами с капелькой позолоты над аркой окна, расположенного на лестничной площадке. Молодая мис-

¹ «Гамлет», пер. А. Кроненберг (здесь и далее прим. перев.).

² «Гамлет», пер. А. Кроненберг.

³ Изречение римского философа Сенеки.

сис Хэллоран остановилась у окна и обернулась. Фэнси все еще поднималась по лестнице, путаясь в подоле юбки.

– Горе мое горькое, – вздохнула молодая миссис Хэллоран, прижав одну руку к груди, а другой едва касаясь широких отполированных перил. – Фэнси, поторопись же!

Слегка опираясь на плечо дочери, миссис Хэллоран исчезла в левом верхнем крыле, которое до недавнего времени делила с Лайонелом.

Эссекс с отвращением смотрел им вслед.

– Муженек-то небось только и мечтал о смерти, – пробормотал он.

– Не надо вульгарностей, – нахмурилась мисс Огилви. – Даже наедине со мной, пожалуйста, не забывайтесь: мы – всего лишь наемные работники, а не члены семьи.

– Вообще-то, я тоже здесь, – внезапно подала голос тетя Фэнни из темного угла. – Вы этого, конечно, не заметили, но прошу вас, не смущайтесь. Хоть я и член семьи, вовсе не обязательно...

Эссекс снова зевнул.

– Есть хочу!

– Интересно, подадут ли настоящий обед? – поинтересовалась мисс Огилви. – Я впервые на похоронах с тех пор, как живу здесь; даже не знаю, что она решит. Пожалуй, надо присесть...

– Никому нет дела, если тетя Фэнни останется у себя в комнате, – пробормотала тетя Фэнни. – Передайте жене моего брата, что я присоединюсь к ней после ужина.

– И я впервые на похоронах. – Эссекс встал и лениво потянулся. – От них в сон клонит. Как думаете, старуха заперла джин ради такого случая?

– На кухне полно, – отозвалась мисс Огилви. – Для меня самую капельку, спасибо.

– Все закончилось, – объявила миссис Хэллоран.

Она стояла позади инвалидного кресла мужа, глядя ему в затылок безо всякой цели. В прежние времена, еще до того как мистер Хэллоран навечно занял место в инвалидном кресле, миссис Хэллоран с трудом контролировала выражение лица и жесты, однако теперь, когда он не мог резко обернуться, миссис Хэллоран была с ним любезна (предусмотрительно занимая место за спинкой кресла).

– Его больше нет, Ричард. Все прошло как надо.

Мистер Хэллоран заплакал – впрочем, не первый раз: с тех пор как до него дошло, что второй молодости ему не видать, он плакал часто и охотно.

– Единственный сын, – прошептал мистер Хэллоран.

– Да...

Миссис Хэллоран поджала пальцы, чтобы не барабанить ими по спинке: не стоит суетиться в присутствии больного, прикованного к инвалидному креслу – нужно проявлять терпение. Она беззвучно вздохнула.

– Постарайся держать себя в руках.

– А помнишь, – спросил Хэллоран с дрожью в голосе, – когда он родился, мы велели звонить в колокола на конюшне?

– Верно, – с энтузиазмом подхватила миссис Хэллоран. – Я могу распорядиться, если хочешь.

– Пожалуй, не стоит, – ответил мистер Хэллоран. – В деревне нас не поймут. Нельзя потакать сантиментам за счет общественного мнения. Не стоит, пожалуй. Да и вообще, – добавил он, – Лайонел их не услышит.

– Теперь, когда его больше нет, нужно назначить управляющего имением.

– Лайонел совсем не справлялся. Когда-то с моей террасы был прекрасный вид на розовый сад, а теперь я вижу лишь живую изгородь. Я хочу, чтобы ее срезали, тотчас же!

– Не волнуйся так, Ричард, тебе вредно. Ты всегда был хорошим отцом. Я распоряжусь, чтобы изгородь подровняли.

Мистер Хэллоран пошевелился, глаза снова наполнились слезами.

– А помнишь, я хотел сохранить его кудряшки?

Миссис Хэллоран надела на лицо печальную улыбку и вышла вперед.

– Дорогой, тебе вредно волноваться. Я знаю, Лайонел любил тебя больше всех на свете.

– Нет, так не годится, – возразил мистер Хэллоран. – У Лайонела есть жена и дочь; нельзя ставить отца на первое место. Орианна, ты должна с ним поговорить. Скажи ему, что я этого не потерплю! Его главный и единственный долг перед женщиной, на которой он женат, и перед милой крошкой. Скажи ему...

Он нерешительно умолк.

– Так это Лайонел умер? – неуверенно переспросил мистер Хэллоран.

Миссис Хэллоран переместилась за спинку кресла и позволила себе устало закрыть глаза. С усилием подняв руку, она мягко опустила ее на плечо мужа.

– Похороны прошли весьма достойно.

– Помнишь, когда он родился, мы велели звонить в колокола?

Миссис Хэллоран тихонько поставила бокал и перевела взгляд с Эссекса на мисс Огилви.

– А тетя Фэнни спустится к десерту?

– Добавив последний штрих к сегодняшнему безоблачному счастью, – съязвил Эссекс.

Миссис Хэллоран устремила на него пристальный взгляд.

– На подобные замечания, – произнесла она, – Лайонел считал бы необходимым напомнить, что вам здесь платят не за иронию, а за реставрацию фресок в столовой.

– Орианна, милая, – возразил Эссекс с фальшивым смешком, – уж вас-то я никак не подозревал в забывчивости! Фресками занимался предыдущий молодой человек, а я составляю каталог для библиотеки.

– Лайонел не различил бы, – заметила мисс Огилви и порозовела от смущения.

– Но заподозрил бы, – добавила миссис Хэллоран. – Там у дверей тетя Фэнни, я слышу ее кашель. Эссекс, впустите ее, а то она сама ни за что не решится.

Эссекс картинно распахнул дверь.

– Добрый вечер, тетя Фэнни! Надеюсь, сегодняшняя траурная атмосфера вам по душе?

– Не стоит за меня беспокоиться. Добрый вечер, Орианна, мисс Огилви. Право, не утруждайтесь. Вы прекрасно знаете, что на тетю Фэнни не стоит обращать внимания. Орианна, я с удовольствием постою.

– Эссекс, – распорядилась миссис Хэллоран, – принеси тете Фэнни стул.

– Уверена, что молодому человеку это в тягость, Орианна. Я привыкла сама о себе заботиться, уж ты-то знаешь.

– Эссекс, бокал вина тете Фэнни.

– Орианна, я пью только с равными. Мой брат Ричард...

– ...отдыхает. Он уже пообедал и принял лекарство. Ничто не мешает тебе увидеться с ним вечером, обещаю. Да сядь ты уже наконец!

– Я не привыкла подчиняться приказам, однако ты теперь здесь хозяйка, судя по всему...

– Так и есть. Эссекс... – Миссис Хэллоран поудобнее расположилась в кресле, откинув голову на спинку. – Желаю слышать, как вы попусту растратили свои юные годы – только самое скандальное!

– Тропа становится все прямее и уже, – произнес Эссекс. – Годы наступают, тропа сужается как острие ножа, и я ползу вперед, хватаясь за соломинку, а годы сдавливают бока и смыкаются над головой...

– Не слишком-то скандально, – поморщилась миссис Хэллоран.

– Боюсь, у молодого человека не было так называемых «преимуществ» в жизни, – заметила тетя Фэнни. – Не всем повезло вырасти в роскоши – уж ты-то знаешь...

– Статистика говорит сама за себя, – продолжил Эссекс. – В двадцать, когда время казалось бесконечным, мои шансы умереть от болезни сердца были один к ста двенадцати. В двадцать пять, когда меня впервые охватила неразумная страсть, шансы умереть от рака были один к семидесяти восьми. В тридцать, когда дни и часы начали сокращаться, шансы умереть из-за случайности равнялись один к пятидесяти трем. Теперь же мне тридцать два, тропа сужается с каждым днем, и шансы умереть от чего угодно равняются один к одному.

– Очень глубокомысленно, – резюмировала миссис Хэллоран, – однако по-прежнему не скандально.

– Хорошо... Итак, мисс Огилви хранит в правом верхнем ящике комода, под платками, эбонитовую шкатулку, украденную из музыкальной комнаты. В ней покоятся записочки, которые Ричард Хэллоран писал ей четыре года назад – хотя, пожалуй, нестати об этом упоминать теперь, когда он прикован к инвалидному креслу. Каждый вечер оставлял ей записку под большой голубой вазой в холле.

– Боже правый! – воскликнула мисс Огилви и побледнела. – Она вовсе не это подразумевала под «скандальным»!

– Не волнуйтесь, мисс Огилви, – улыбнулась миссис Хэллоран. – В качестве библиотекаря Эссекс привык шпионить за всеми. Он развлекает меня весьма занимательными историями, и его информация всегда оказывается верной.

– Момент истины, – сухо заметила тетя Фэнни. – Вульгарно и непристойно – я и тогда говорила, и сейчас скажу.

– Я бы ни за что не осталась... – начала мисс Огилви.

– Ну конечно, остались бы! – добродушно откликнулась миссис Хэллоран. – Ничто не заставило бы вас двинуться с места. Нет, ваша ошибка заключалась в другом: вы думали, что сможете «подвинуть» меня. Проще говоря, типичная ошибка тети Фэнни.

– Отвратительно и неуместно, – отозвалась тетя Фэнни. – Орианна, с твоего позволения я удалюсь.

– Допивай вино, а Эссекс позабавит нас еще чем-нибудь скандальным.

– Тропа сужается с каждым днем, – повторил Эссекс, ухмыляясь. – Интересно, помнит ли тетя Фэнни, как однажды выпила шампанского на дне рождения Лайонела и спросила меня...

– Боюсь, мне сейчас станет дурно, – перебила его тетя Фэнни.

– Ну так и быть, позволяю тебе удалиться, – снисошла миссис Хэллоран. – Эссекс, я вами недовольна! Ну ладно тетя Фэнни, но вы-то должны быть вне подозрений! Фэнни, если тебе хочется устроить сцену, сделай одолжение и поскорее: я хочу прогуляться перед вечерней игрой в нарды, а мой распорядок дня и так безжалостно нарушен. Мисс Огилви, вы допили вино?

– Ты собираешься играть в нарды? – удивилась тетя Фэнни. – Сегодня?

– Теперь это мой дом, как ты справедливо заметила. Не вижу причины, почему бы не сыграть.

– Как это вульгарно, – поморщилась тетя Фэнни. – В доме траур!

– Уверена, Лайонел подождет бы умирать, если бы знал, что похороны помешают моим нардам. Мисс Огилви, вы уже допили? – Миссис Хэллоран поднялась. – Эссекс?

Некоторый интерес представляет характер самого дома. Здание стоит на небольшом холме, и земля вокруг принадлежит семье Хэллоран. Со всех сторон территорию окружает каменная стена. Прежний мистер Хэллоран, отец Ричарда и тети Фэнни – в то время Фрэнсис Хэллоран, – ошарашенный свалившимся на него богатством, не придумал ничего лучше, чем создать свой собственный мир. По его замыслу, весьма туманно изложенному архитекто-

рам, декораторам, землемерам, плотникам и каменщикам, этот мир должен включать в себя все. Внешний мир, оставшийся позади, использовался лишь для безжалостного разграбления и добычи предметов искусства, призванных украсить дом и окрестности. Помещения бесконечно ремонтировались и обставлялись, земля возделывалась с особым усердием. К изящному пруду перед домом прилагались лебеди. Кроме всего прочего, на территории находились пагода, лабиринт и розовый сад. Стены дома были окрашены в пастельные тона с изображением сатиров и нимф, резвящихся среди цветов. Также в интерьере имелось огромное количество серебра, золота, эмали и перламутра. Картины мистера Хэллорана не особенно интересовали, однако он уступил просьбе декоратора и повесил несколько штук. При этом настоял, чтобы его собственный портрет – мистер Хэллоран был человеком практичным и тщеславным – висел над камином в комнате, которую архитектор называл «ваша гостиная». Книги мистера Хэллорана тоже не интересовали, тем не менее он уступил под натиском удивленных взглядов архитектора и декоратора и обустроил библиотеку, должным образом оснастив ее мраморными бюстиками и десятками тысяч томов в кожаных переплетах; их привезли по железной дороге, внесли в дом коробку за коробкой, аккуратно распаковали и разложили по полкам специально нанятые для этого люди. Больше всего мистеру Хэллорану запала в душу идея солнечных часов. Их заказали из Филадельфии, в одной фирме с хорошими отзывами; мистер Хэллоран лично выбрал место в саду. Он смутно надеялся, что надпись – оставленная на усмотрение фирмы, они в таких вещах лучше разбираются – будет глубокомысленной, например: «Лови момент» или даже «За знаком знак чертит бессмертный рок перстом своим»⁴, однако по воле неизвестного автора надпись на часах гласила «Что жизнь?»⁵. Мало-помалу мистер Хэллоран к ней привык, убедив себя, что ремарка относится ко времени.

Солнечные часы установили и настроили с таким же старанием, что и книги в библиотеке, и каждый, кому взбрело бы в голову проигнорировать маленькие нефритовые часы в гостиной или дедушкины часы в библиотеке, или мраморные часы в столовой, мог выйти на лужайку и определить время по солнцу. Из любого окна, выходящего на сад и на озеро, виделись солнечные часы, установленные на повороте аллеи. Старший мистер Хэллоран был человеком методичным. В левом крыле насчитывалось двадцать окон, в правом ровно столько же. Так как центральная дверь была двойной, на втором этаже располагались сорок два окна и столько же на третьем, прямо под резным орнаментом крыши. Мистер Хэллоран распорядился, чтобы там изображали цветы и древнегреческий символ богатства – рога изобилия, и нет никаких сомнений, что его распоряжения выполнили в точности.

По обе стороны двери располагалась терраса: восемьдесят шесть черных и восемьдесят шесть белых плиток направо и столько же налево. Мраморную балюстраду поддерживали по сто шесть колонн слева и справа соответственно. Восемь широких мраморных ступеней вели на лужайку, которая изящно обтекала квадратный пруд и плавной волной устремлялась вперед, к летнему домику в виде храма, посвященного какому-то второстепенному богу математики, с шестью тонкими колоннами по обеим сторонам. Хотя никто не пытался подобрать деревья, окаймляющие лужайку, листик к листику и веточку к веточке, летний домик окружали четыре тополя, посаженные на равном расстоянии. Внутри домик был выкрашен в зеленый и золотой, вдоль колонн и потолочных балок обвивалась виноградная лоза.

Все это царство симметрии нарушали солнечные часы, нарочно установленные не в центре, с провокационной надписью «Что жизнь?»

После того как дом был покрашен, обит деревянными панелями, устлан коврами и парчой, оснащен шелковыми простынями и драгоценными произведениями искусства, мистер Хэллоран перевез сюда жену и двух маленьких детей. Миссис Хэллоран умерла через три

⁴ Цитата из «Рубай» Омара Хайяма, пер. О. Румера.

⁵ Цитата из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера, пер. О. Румера.

месяца, так и не увидев солнечных часов вблизи, разве что из окна спальни. Не довелось ей прогуляться ни к центру лабиринта, ни в тайный сад, чтобы сорвать абрикос, хотя каждое утро даме подавали свежие фрукты в прозрачной голубой вазе. Из розария ей доставляли розы, из теплиц – орхидеи и гардении, а по вечерам ее сносили вниз и сажали в кресло у огня. Миссис Хэллоран родилась в доме на две семьи в глухом далеком городке, где бо́льшую часть года было холодно и мрачно; впервые в жизни она почувствовала тепло, лишь сидя у камина. Она никак не могла поверить, что в этом доме ей не грозит зима, и даже вечное лето из роз, гардений и абрикосов не разуверило ее сомнений; миссис Хэллоран скончалась в полной уверенности, что за окном идет снег.

Вторая миссис Хэллоран – Орианна, жена Ричарда – поставила себе цель относиться к свекру с восхищением и покорностью.

– Мне кажется, – заявила она Ричарду, когда молодожены вернулись из свадебного путешествия и обосновались в Большом доме, – наш долг – скрасить последние годы твоего отца. В конце концов, он – твой единственный родственник.

– Вовсе нет, – возразил Ричард, озадаченный. – Есть еще сестра Фрэнсис и дядя Харви с женой и детьми в Нью-Йорке. И потом, наверняка имеются кузены разной степени дальности...

– Да, но никто из них не распоряжается деньгами твоего отца.

– Ты что, вышла за меня ради отцовских денег?!

– Ну да. И еще ради дома.

– Повторите еще раз, – велела миссис Хэллоран, разглядывая часы в теплых сумерках.

– «Что жизнь? И почему к ней люди жадны? Сегодня с милой, завтра в бездне холодной! Один как перст схожу в могилу я...»⁶

– Не нравятся они мне.

Миссис Хэллоран протянула руку и дотронулась пальцем до часов. В сумраке доносилось слабое шуршание листьев, плеск воды. Дом отсюда казался очень далеким, свет в окнах – совсем тусклым. Миссис Хэллоран провела пальцем вдоль буквы «Ч» и подумала: без этих часов лужайка выглядела бы пусто. По сути, часы – символ людской порочности, доказательство того, что глаз человека не способен вынести математическое совершенство. Я – существо земное, напомнила себе миссис Хэллоран, и потому должна смотреть на часы, как и все прочие. Если их убрать, мне тоже придется отводить глаза до тех пор, пока я не увижу несовершенство взамен часов – возможно, звезду?

– Вам не холодно? – спросил Эссекс. – Вы дрожите.

– Становится прохладно. Давайте вернемся в дом.

Тихими шагами миссис Хэллоран ласкала землю, по которой ступала; под рукавом ощущалась твердость руки Эссекса, едва заметное напряжение мускулов – реакция на ее совершенство и одновременно жест защиты. Все это мое, думала она, осматривая молчаливые камни, и землю, и листья своих владений. Тут она вспомнила, что собирается отослать Эссекса прочь, и улыбнулась. Бедный Эссекс так и не понял, что сущность хорошего придворного заключается в неуверенности. Теперь дом принадлежит мне, подумала она молча, не в силах произнести ни слова.

В большой гостиной у огня сидел Ричард Хэллоран; в дальнем углу, на почтительном расстоянии, за столиком устроились мисс Огилви с тетей Фэнни. Мисс Огилви читала, а тетя Фэнни раскладывала пасьянс; судя по всему, последняя не осмеливалась подкрутить свет в лампе, и они с мисс Огилви склонились над столом, щурясь в темноте.

⁶ Цитата из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера, пер. О. Румера.

– Орианна, – произнес ее муж, как только миссис Хэллоран и Эссекс вошли через высокие двери террасы, – я вспоминал Лайонела.

– Конечно, Ричард. – Миссис Хэллоран отдала Эссексу шаль, подошла и встала за креслом мужа. – Попытайся не думать об этом, а то не заснешь.

– Он был моим сыном, – терпеливо объяснил Ричард.

Миссис Хэллоран склонилась вперед.

– Тебе не слишком жарко? Отодвинуть кресло подальше от огня?

– Не приставай к нему, – вмешалась тетя Фэнни и подняла карту к свету. – Ричард всегда сам принимал решения, Орианна, даже в том, что касается его собственного комфорта.

– Мистер Хэллоран всегда был таким сильным, – добавила мисс Огилви с нежностью.

– В день его рождения мы велели звонить в колокола над конюшней, – объяснил мистер Хэллоран тете Фэнни и мисс Огилви через всю комнату. – Жена предложила и сегодня позвонить – в качестве прощального жеста, – но я решил, что не стоит. Как ты считаешь, Фэнни?

– Ни в коем случае, – отрезала тетя Фэнни. – Вульгарная идея, разумеется. – Взглянув на миссис Хэллоран, она повторила: – Разумеется...

– Эссекс, – произнесла миссис Хэллоран, не двигаясь. – Пожалуй, и вправду стоит позвонить в колокола.

Бесшумной кошачьей походкой Эссекс пересек комнату и встал рядом, ожидая приказаний.

– Разумно. Ему бы понравилось. Мы звонили в колокола над конюшней, – повторил мистер Хэллоран, обращаясь к мисс Огилви, – в день его рождения, а затем каждый год после этого, пока он не попросил нас так не делать.

– Боюсь, уже слишком поздно звонить, – заметила миссис Хэллоран.

– Ты права, дорогая, как всегда. Бедный Лайонел все равно не услышит. Может, завтра?

– Лайонел был прекрасным человеком, – вставила мисс Огилви траурным тоном. – Нам будет его не хватать.

– Да, нужно распорядиться, чтобы подрезали живую изгородь, – сказал мистер Хэллоран жене.

– У него был замечательный отец, – заявила тетя Фэнни. – Ричард, тебе не жарко? Ты терпеть не мог перегреваться. Хотя, – добавила она, – пламя, по-видимому, не слишком высоко. По крайней мере, света не дает.

– Эссекс, – распорядилась миссис Хэллоран, – включите лампу тете Фэнни.

– Спасибо, не надо, – ответила та. – Не стоит заботиться о моем удобстве, Орианна. Ты прекрасно знаешь, что я ничего не попрошу из твоих рук. Или, – добавила она, покосившись на Эссекса, – из рук нанятого...

– ...библиотекаря, – закончил за нее Эссекс.

– Мистер Хэллоран, позвольте я наброшу вам шаль на плечи? – предложила мисс Огилви. – У вас спина не мерзнет? Так часто бывает, даже когда огонь греет... – Она помедлила и стыдливо добавила: – ...конечности.

– Вы имеете в виду ноги? – осведомилась миссис Хэллоран. – Уверяю вас, у Ричарда они до сих пор сохранились, хоть и не всегда видны. Мисс Огилви беспокоится о твоих ногах, – сказала она, нагибаясь к мужу.

– О моих ногах? – улыбнулся тот. – Я все больше сижу, – галантно объяснил он мисс Огилви, и та покраснела.

– Тетя Фэнни, – позвала миссис Хэллоран, и все обернулись, настороженные ее тоном. – Я рада, что ты ничего не просишь из моих рук, поскольку я как раз собиралась вам всем кое-что сообщить, а тетя Фэнни меня только подбодрила.

– Я? – изумилась тетя Фэнни.

– Сущность жизни, – мягко начала миссис Хэллоран, – заключается в переменах; вы все, будучи людьми интеллигентными, со мной согласитесь. Наша последняя перемена – я имею в виду кончину Лайонела...

– Так это был Лайонел! – утвердительно кивнул мистер Хэллоран у камина.

– ...оказалась весьма приятной. Мы прекрасно обойдемся без Лайонела. Теперь нам необходимо сделать генеральную уборку. Ричард, конечно, останется.

Она положила руку на плечо мужа, и тот снова кивнул, довольный.

– Эссекс, не слишком ли мы вас задержали? – продолжила миссис Хэллоран.

– Но библиотека... – возразил Эссекс, прикрыв рот рукой.

– Пожалуй, оставим библиотеку в покое на время. Пора освежить фрески в моей гостиной. Разумеется, вы получите небольшую выплату и сможете заняться какой-нибудь ученой деятельностью.

– Тропа сужается, – натянуто произнес Эссекс.

– Как мудро с вашей стороны!

– Я надеялся... я думал – после всего...

– Эссекс, вам тридцать два года – еще не поздно начать карьеру. Попробуйте что-нибудь делать руками. Можете взять пару дней на раздумье. Мисс Огилви!

Последняя вытянула руку и вцепилась в подлокотник кресла.

– Я вами довольна, не считите за критику. Вы – леди того сорта, какие редко встречаются в наши дни. Всю жизнь вас укрывали от внешнего мира – вы же пришли к нам как раз до рождения Фэнси? – и я не стану бездумно выставлять вас наружу. Пожалуй, поместим вас в какой-нибудь скромный пансионат – приличный, разумеется, даже не сомневайтесь, и всецело подходящий вашему статусу; курорт с минеральными водами? Местечко у моря? В несезон вы будете играть в криббидж с другими леди сходного статуса. Возможно, теплым осенним днем, убаюканная волнами и затихающим весельем на пирсе, вы падете жертвой авантюриста; возможно, Эссекс в своих бесцельных академических блужданиях найдет вас и оставит без гроша. Разумеется, в руках обычного авантюриста вы будете в полной безопасности, поскольку не сможете лично распоряжаться деньгами – это в ваших же интересах.

– Какая жестокость! – Мисс Огилви сникла в кресле. – Я не заслужила!..

– Может, и нет, но ничего не могу с собой поделать – на меня накатил приступ щедрости. Я настаиваю!

– А я? Меня тоже выгонят?

– Дорогая тетя Фэнни, это ведь твой дом! Неужели ты думаешь, что я выброшу тебя из собственного дома? Ты жила здесь с самого детства – с мамой, с папой. Я помню твоего отца, замечательный был человек.

– Оставь в покое моих родителей! Мой брат...

– Да, – перебила миссис Хэллоран. – В бальной зале ты танцевала свой первый и единственный танец; тогда тебя звали мисс Хэллоран – мы не должны терять из виду мисс Хэллоран в нашей тете Фэнни. Впрочем, теперь мы с твоим братом остались одни; мы ни разу не оставались одни в этом доме с самой свадьбы. Не беспокойся, здесь хватит места для нас обеих, Фэнни, – добавила она снисходительно.

– Я так никогда не думала, – возразила тетя Фэнни.

– А помнишь башню? Ее построил твой отец; там, кажется, планировали устроить обсерваторию? В ней можно расположиться с большим комфортом. Я даже разрешаю тебе взять немного мебели. Можешь забрать все, что хочешь, за исключением, разумеется, предметов, обладающих сентиментальной ценностью: голубая ваза из холла отойдет мисс Огилви.

– Я возьму драгоценности своей матери.

– Теперь люди станут поговаривать о башне, в которой водятся привидения, – засмеялась миссис Хэллоран. – Так, кто у нас остался? Мэри-Джейн будет здесь одиноко. Я уверена, что

она питала к Лайонелу искренние чувства, хотя о природе этих чувств распространяться не стану. Пожалуй, отошлю Мэри-Джейн домой. Лайонел нашел ее в городе, в публичной библиотеке – вот пусть туда и возвращается. В то время у Мэри-Джейн была небольшая квартира; я распоряджусь, чтобы ее вернули. Ей совсем не обязательно работать, я проявлю достаточную щедрость. Может, возобновит связи со старыми друзьями... Правда, боюсь, второго Лайонела она больше не встретит – ей и первого хватило за глаза.

– А Фэнси? – пролепетала мисс Огилви. – Ведь я ее гувернантка и обязана...

– А Фэнси теперь тоже моя, – улыбнулась миссис Хэллоран. – Однажды все, чем я владею, перейдет ей, поэтому Фэнси я оставлю при себе.

– По-моему, вы с нами шутите, – безжизненным голосом произнес Эссекс. – Хотите, чтобы мы испугались и начали умолять, а вы посмеетесь и скажете, что пошутили...

– Вы и вправду так думаете, Эссекс? Тогда интересно будет посмотреть, как далеко зайдет моя шутка, прежде чем вы начнете умолять. Ричард?

Мистер Хэллоран открыл глаза и улыбнулся.

– Пора спать, – весело сказал он.

Миссис Хэллоран взялась за ручки и повернула кресло.

– Спокойной ночи, – попрощался мистер Хэллоран, и миссис Хэллоран довезла кресло почти до двери, прежде чем Эссекс подбежал и открыл ее.

Мисс Огилви негромко плакала; когда умер Лайонел, она пустила лишь пару слезинок – больше ради проформы, чтобы нос не покраснел. Тетя Фэнни мрачно смотрела в огонь, сложив руки на коленях; после ухода брата и золовки она не проронила ни слова. Эссекс ходил из угла в угол, поскольку в неподвижности слишком отчетливо видел себя самое.

– Раболепствовал, подносил, лгал, шпионил, пресмыкался – и вот меня выставили за дверь, как я того и заслуживаю. Тетя Фэнни, мисс Огилви – мы все достойны презрения.

– Я старалась делать то, что должно, – всхлипнула мисс Огилви. – Она не имела права так со мной разговаривать!

– И верно, – продолжал Эссекс. – Я-то думал, что умен, проворен и неуязвим, а это вовсе не надежная защита. Я думал, она ко мне привязана, а сам превратился в ручную обезьянку!

– Могла бы сообщить помягче, – сетовала мисс Огилви.

– В гориллу, нелепое чудовище...

– Тихо! – вдруг скомандовала тетя Фэнни.

Они оглянулись, удивленные: тетя Фэнни пристально смотрела в сторону выхода. Дверь отворилась, и в комнату проскользнула Фэнси.

– Дедушке не понравится, что ты спустилась вниз так поздно. Сейчас же ступай в свою комнату! – велела тетя Фэнни.

Не обращая на нее ни малейшего внимания, Фэнси подошла к камину и села на коврик, скрестив ноги.

– Я здесь часто бываю, когда вы все спите. – Она в упор посмотрела на мисс Огилви. – А ты храпишь!

– Тебя следует отшлепать! – негодуя фыркнула та.

Фэнси любовно провела рукой по мягкому ворсу.

– Когда бабушка умрет, все это будет моим. Весь дом будет моим, и никто мне не помешает!

– Твой дедушка... мой брат... – начала тетя Фэнни.

– Ну конечно, я понимаю, что дом принадлежит дедушке, – возразила Фэнни с интонацией взрослого, объясняющего неразумному ребенку, – но ведь на самом-то деле нет. Иногда мне хочется, чтобы бабушка умерла.

– Маленький звереныш! – пробормотал Эссекс.

– Нельзя так говорить, Фэнси, – вмешалась мисс Огилви. – Бабушка была очень добра к тебе – нехорошо желать ей смерти. И уж тем более нехорошо бродить по ночам, шпионить за людьми и... – Она замешкалась. – Ты плохо себя ведешь!

– Да и вообще, – добавила тетя Фэнни, – не стоит считать свои богатства заранее. У тебя и так полно игрушек.

– У меня есть кукольный домик, – неожиданно произнесла Фэнси, впервые глядя тете Фэнни прямо в глаза. – У меня есть красивый кукольный домик. Там настоящие дверные ручки, электричество и маленькая плита, а в ваннах льется настоящая вода...

– Тебе повезло, – заметила мисс Огилви.

– ...и куколки. Одна из них лежит сейчас в ванной, – захихикала Фэнси. – Это маленькие куколки, они как раз помещаются в стулья и кровати. У них есть своя посудка. Когда я кладу их в кровать, они засыпают. Когда бабушка умрет, все это станет моим.

– И где же тогда будем мы? – тихо спросил Эссекс.

Фэнси улыбнулась ему.

– Когда бабушка умрет, я разобью свой кукольный домик – он мне больше не понадобится.

Эссекс лежал в темноте абсолютно неподвижно. Если не шевелиться и не издавать никаких звуков, он будет в безопасности. Иногда ему казалось, что если замереть совсем, то можно и вправду умереть.

– Эссекс... – прошептала тетя Фэнни и тихонько постучала в дверь. – Эссекс,пусти меня!

Раньше Эссекс пытался отвечать.

– Уходите, – говорил он, – уходите отсюда.

Теперь же он знал, что безопаснее молчать и не двигаться; может, он и правда мертв?

– Эссекс, мне всего сорок восемь!

Я заперт в тесном пространстве гроба, надо мною толстый слой земли.

– Орианна старше меня!

Я не могу пошевелиться, повернуть голову; если мои глаза и открыты, я этого не знаю; я не смею протянуть руку и пощупать деревянные доски, смыкающиеся вокруг меня.

– Эссекс?

Я попробую заговорить в оглушающей тишине; я попробую повернуть голову и поднять руки, и тогда меня будут держать крепко-крепко...

– Впусти меня! Ты можешь остаться в доме со мной!

Было еще рано и так темно, что лишь твердая уверенность в ежедневном восходе солнца давала хоть какую-то надежду на свет. Тетя Фэнни, всю ночь просидевшая в спальне своей покойной матери, и Фэнси, потихоньку ускользнувшая из детской, встретились на террасе, напугав друг друга. Сперва каждая разглядела в темноте смутную фигуру, и лишь потом тетя Фэнни догадалась, кто перед ней.

– Фэнси! – прошептала она. – Что ты тут делаешь?

– Играю, – уклончиво ответила девочка.

– Играешь? В такое время? – Тетя Фэнни взяла ее за руку и повела вниз по ступенькам. – Пойдем в сад. Во что ты играла?

– Да так... – лукаво улыбнулась Фэнси.

– А кто тебе сказал, что однажды все это будет твоим? – неожиданно спросила тетя Фэнни и остановилась. – Мама? Наверняка она. Думает, что у нее есть права... Давай пройдем по боковой дорожке; тетя Фэнни любит гулять в тайном саду по утрам. Так вот, десятилетней

девочке, у которой есть мама, и дедушка, и тетя Фэнни, не следует думать о будущих благах. Мы все тебя любим, ты ведь знаешь это? Тетя Фэнни тебя любит.

Было слишком темно, однако тетя Фэнни разглядела повернутое к ней лицо ребенка. Увы, девочка не унаследовала семейного обаяния, подумала она со вздохом и споткнулась. Может, все-таки еще слишком темно, чтобы гулять по боковым тропинкам? Впрочем, она уже зашла так далеко, что возвращаться смысла нет. Глянув наверх в ожидании рассвета, тетя Фэнни раздраженно прищелкнула языком: садовники совсем забросили дальние тропинки; наверное, знают, что здесь гуляет лишь тетя Фэнни. Живую изгородь по обеим сторонам давно не постригали, и она буйно разрослась, местами даже сплелась над головой в туннель, затемняя тропу и создавая зловещий полумрак там, где атмосфера должна быть легкой и приятной.

– Мой отец, – громко произнесла тетя Фэнни, – такого не потерпел бы! Смотри, Фэнси: поворот тропинки должен быть плавным, естественным, а тут какие-то дебри. Жаль, отец не видит, что стало с его садом.

– А вон садовник, – заметила Фэнси.

В этот момент смутное ощущение тяжести усилилось и стало осознанным. Прогулка в саду всегда приносила удовольствие, но, когда Фэнси указала на садовника, тетя Фэнни вдруг поняла, что они сбились с пути и потерялись, – а может, и забрели на чужую территорию. Впрочем, за пределы стены они еще не выходили, так что ничего страшного; да и от дома прошли всего десять минут, а участок Хэллоранов так быстро не заканчивается (в любом направлении).

– Фэнси, нам пора возвращаться, – пробормотала обеспокоенная тетя Фэнни, однако девочка уже вырвалась вперед.

Занимался рассвет, но теперь в воздухе сгустился туман; зеленые ветви угрожающе нависали над головой; легкая дымка клубилась у кончиков листьев, почти скрывая ноги Фэнси на бегу. Тетя Фэнни занервничала еще больше и, что хуже, была совершенно сбита с толку.

– Фэнси, вернись сейчас же! – позвала она, но Фэнси, словно в кошмарном сне, убегала все дальше и дальше, по щиколотки в тумане, оборачиваясь и даже смеясь.

– Фэнси, – снова окликнула тетя Фэнни, – иди сюда!

Тут и она увидела садовника: он стоял на стремянке чуть поодаль и подстригал изгородь. Странно, как это Фэнси могла его увидеть раньше нее, еще до поворота? Девочка бежала к нему, смеясь, и тетя Фэнни поспешила за ней. Фэнси схватилась за подножие лестницы и заговорила с садовником. Тот обернулся, кивнул и указал куда-то. Когда подошла тетя Фэнни, он уже отвернулся к изгороди и снова поднял секатор.

– Фэнси, пойдем сейчас же! – Тетя Фэнни сердито потянула ее за руку. – Нельзя бегать и смеяться перед садовниками, – добавила она тихо, – мы должны соблюдать декорум! Нехорошо, что ты убежала от меня, я тобой недовольна!

– Я хотела спросить у него дорогу, – ответила девочка; теперь она шла спокойно, щеки слегка покраснелись от бега. – Он не показался тебе странным?

– Я не заметила. Это неприлично...

– Одежда у него была какая-то странная. А шляпу видела?

– Я же сказала – я не смотрела...

– Так погляди сейчас. – Фэнси остановилась и повернулась к тете Фэнни. – Смотри, какой он смешной.

– Оглядываться на садовника? Я? – Тетя Фэнни раздраженно потянула Фэнси за руку. – Веди себя прилично!

– Да он все равно ушел. – Фэнси чуть прошла вперед и воскликнула: – А вот и сад! Я и не знала, что мы так близко!

Она рванула к выходу, увязая щиколотками в тумане. Тетя Фэнни, раздраженная, испуганная, усталая, поспешила за ней: нельзя отпускать Фэнси одну. Маленькая девочка и безза-

щитная женщина; странные садовники (и Фэнси права, в нем действительно было нечто странное – быть может, поворот головы?), и никто не знает, как вернуться назад.

– Фэнси, подожди, – окликнула тетя Фэнни и вдруг остановилась.

Это был вовсе не ее тайный сад, а совсем другой, настолько тайный, что вряд ли кто-нибудь видел его прежде. Фэнси, полускрытая туманом, танцевала на траве; цветы, приглушенные дымкой, тускло отсвечивали красным, желтым и оранжевым. Вдалеке смутно маячила твердая белизна мрамора, на секунду в туманной прорехе показалась узкая колонна.

– Фэнси! – крикнула Тетя Фэнни, вытягивая руки перед собой. – Ты где?

– Я тут! – отозвалась девочка.

– Где?

– В доме.

Голос утих, и тетя Фэнни, окончательно запутавшаяся в тумане, беспомощно заплакала.

– Фэнси!

– Тетя Фэнни... – донеслось откуда-то издалека.

Спотыкаясь, тетя Фэнни на ощупь двинулась вперед, наткнулась на теплый мрамор и быстро отдернула руку.

Ах да, он же нагрелся на солнце! А может, это летний домик? Мы просто сбились с тропинки и вышли в сад с другой стороны – вот почему он выглядел так странно... Ну конечно, это летний домик! Какая я глупая – пугаться невесть чего и плакать! Сейчас зайду в домик и посижу тихонько на скамейке, а затем позову Фэнси – противная девчонка, так убежать! – или дождусь, пока туман рассеется – конечно же, рассеется, это же утренняя дымка, пустяк, солнце растопит ее... Мне приходилось попадать и не в такие туманы, и ни разу я не испугалась – просто все вышло так неожиданно; сейчас посижу в домике и пойду дальше...

С минуту она стояла неподвижно, закрыв глаза и пытаясь вспомнить точное расположение тайного сада, чтобы наверняка добраться до летнего домика. *Только бы не упасть, ведь тогда я не смогу подняться... Если я упаду, придется звать на помощь.*

– Фэнси, – позвала она, – Фэнси!

Пытаясь – хоть и безуспешно – посмотреть под ноги, тетя Фэнни медленно двинулась вокруг летнего домика, припоминая колонны, темные кусты, четыре тополя, две низкие мраморные ступеньки. *Если я посижу в летнем домике, успокаивала она себя, если я зайду в летний домик из тайного сада, если я пройду в летний домик через тайный сад, нужно будет всего лишь сделать четыре шага по мраморному полу, всего четыре шажочка, и с другой стороны откроется вид на большую лужайку, и пруд, и часы, и я наконец увижу дом.*

Если я зайду в летний домик, то даже туман не помешает мне увидеть Большой дом; я спущусь на две ступеньки вниз, выйду на широкую лужайку и пойду вперед, прямо по газону, сквозь туман, мимо солнечных часов... Фэнси наверняка так и ушла; небось уже на полпути к дому.

Тетя Фэнни споткнулась и протянула руку, чтобы опереться о колонну, однако в этот момент туман рассеялся, и она увидела, что держится за длинное мраморное бедро статуи: высокое неподвижное существо взирало на нее сверху с каменной нежностью. Мрамор был теплым на ощупь; тетя Фэнни отдернула руку и завизжала:

– Фэнси, Фэнси!

Ответа не последовало. Тетя Фэнни развернулась и побежала что есть сил, прямо по цветам, сквозь декоративные кусты.

– Фэнси! – кричала она, хватаясь за протянутую мраморную руку, – Фэнси! – уворачиваясь от мраморных объятий, – Фэнси! – отшатываясь от мраморного рта, тянувшегося к ее горлу.

– Тетя Фэнни?

– Ты где?

– Я дома.

– Вернись, Фэнси, пожалуйста!

Рядом стояла мраморная скамья; спинка и бока чем-то заляпаны, одна из ножек треснула, на сиденье валяются сухие листья. Тетя Фэнни благодарно присела; скамья оказалась теплой, и она подвинулась на самый краешек. Немыслимо, подумала она; неужели я на семейном кладбище? Что происходит?

Почему-то вспомнились слова Эссекса – «Тропа сужается с каждым днем» – и на душе стало легче. *Вот он посмеется надо мной! Пора взять себя в руки.* Тетя Фэнни с усилием выпрямилась, подавляя тошноту, разгладила черный лен платья на колене, поправила выбившуюся прядь, изящно скрестила лодыжки, достала из декольте платок с черной каемкой, вытерла глаза и промокнула лицо. *Может, я и сошла с ума, но хотя бы выгляжу прилично, как подобает леди.*

При мысли об Эссексе на нее нашло какое-то непривычное настроение. *Если бы он был здесь, мы бы сидели вместе на скамье, и никто не разглядел бы нас в тумане, в тайном саду – до Фрэнсис доносился густой, сладкий аромат роз, – на мраморе, теплом под нашими ладонями.* Вдалеке журчал фонтан, слышался мягкий плеск, низкое журчание падающей воды из поднятых рук мраморной нимфы; вода стекает по плечам, по груди, укутывает плащом, заполняет широкую чашу до отказа и переливается вниз – в протянутые каменные руки сатира, который набирает воду в ладони и мягко роняет на выгнутые спины и поднятые головы дельфинов, удерживающих его. Мимо застывших дельфинов в огромную чашу, которую держат две русалки, мимо улыбающихся каменных лиц, твердых кудряшек, все дальше вниз, на камни, на мраморные лилии, вокруг мраморных рыб, меж длинных лап каменных птиц – шеи всегда изогнуты, головы всегда повернуты с любопытством. Все дальше и дальше, из высоко поднятых рук нимфы мимо сатира, мимо дельфинов, мимо русалок, оставляя позади лилии, камни, рыб и птиц... И вот, наконец, этот волшебный поток схвачен, пленен, закручен в сужающуюся воронку, заперт и спущен вниз, под землю, где он продолжит свой тайный бег – возможно, в искусственный пруд перед домом, где вода голубого цвета и едва морщится под напором ветра.

Розы... Я бы хотела подарить Эссексу розу.

Она положила голову на мраморную спинку, прислушиваясь к пению воды со слезами на щеках («Ах, Фрэнсис, я так долго ждал...» «Вы нетерпеливы, Эссекс...» «Да я просто схожу с ума, я весь горю...»).

Она томно улыбнулась и подняла руку, слабо протестуя, и вдруг увидела перед собой жуткую гримасу демона; над мраморной головой низко нависали розы, из разверстой пасти торчали сухие лепестки...

– Фэнси! – завизжала тетя Фэнни.

В фонтане слабо отдалось: «Фэнси, Фэнси...» Искаженное мраморное лицо было теплым...

– Тетя Фэнни?

– Помоги мне! Скорей, поторопись!

– Я дома.

– Скорей же!

– Иду-иду... Все будет хорошо, тетя Фэнни, я уже здесь. Вот я протягиваю руку...

Обернувшись, тетя Фэнни взяла девочку за руку, но это снова оказался теплый мрамор; издали послышался издевательский смех Фэнси, затем пение.

Каким-то образом тете Фэнни все же удалось прорваться сквозь туман и добрести до летнего домика; четыре широких шага – и вот она уже бежит к солнечным часам, всхлипывая на ходу...

И тут в темноте раздался чей-то голос, совсем не похожий на Фэнси, эхом отдающийся вокруг, заполняющий все пространство; казалось, он исходит из ее головы: ФРЭНСИС ХЭЛЛОРАН, звал голос, ФРЭНСИС, ФРЭНСИС ХЭЛЛОРАН! Оборачиваясь на бегу, она выставила руки вперед; ФРЭНСИС ХЭЛЛОРАН, продолжал голос, ФРЭНСИС!

Тетя Фэнни страшно запыхалась, где-то потеряла туфлю, а трава оказалась неожиданно мокрой: ФРЭНСИС ХЭЛЛОРАН, и тут она замерла, как вкопанная. Возле солнечных часов смутно маячила чья-то фигура – не статуя, не Эссекс.

– Кто там?.. – спросила тетя Фэнни, цепenea.

– Фрэнсис Хэллоран...

Ее обуял беспримесный страх, и тетя Фэнни, когда-то Фрэнсис Хэллоран, почувствовала, что вместо одежды ее сковало льдом; там кто-то есть? Что-то? Тут она подумала с шокирующей ясностью: *хуже, если там ничего нет; наверняка кто-то есть, иначе все происходит лишь в моей голове... нет, оно настоящее.*

– Фрэнсис?

Тетя Фэнни слабо шевельнула рукой.

– Отец? – беззвучно спросила она. – Отец?

– Фрэнсис, грядет опасность! Возвращайся в дом, скажи им, скажи им там, скажи им всем – грядет опасность. Скажи им, что дом в безопасности. Отец будет следить за домом, скажи им!

Я и вправду это слышу, трезво усомнилась тетя Фэнни.

– Папа?..

– Отец приходит к своему дитя и тихо говорит, что нет страха перед глазами его; отец приходит к своему дитя. Скажи им там, в доме, что грядет опасность!

– Опасность? Какая?

– С небес, с земли и с моря; скажи им. Будет черный огонь, и красная вода, и земля содрогнется и завоюет – все это грядет!

– Когда?

– Отец приходит к своим детям и говорит им, что грядет опасность. Перед глазами его нет страха; отец приходит к своим детям. Скажи тем, кто в доме...

– Подожди...

– Когда небо прояснится, дети будут в безопасности; отец придет к своим детям, и те будут спасены. Скажи им, что они будут спасены. Не позволяй им покидать дом; скажи им: не бойтесь, отец защитит своих детей. Иди в дом отца твоего и скажи все это. Скажи им, что грядет опасность!

Тетя Фэнни, бывшая Фрэнсис Хэллоран, положила руку на солнечные часы – теплые.

– Отец? – произнесла она в неожиданно яркий свет, хотя там уже никого не было. – Ты никогда не был ко мне так добр... – потерянно добавила она.

И тетя Фэнни пустилась бежать, зовя Эссекса; врезалась в дверь террасы, рывком распахнула ее и замерла, дико уставившись на изумленные лица, круглые глаза, открытые рты.

– Я должна вам рассказать, – начала тетя Фэнни и вдруг – к смущению всех присутствующих, не подозревавших до этого, что она способна хотя бы на единый искренний поступок – потеряла сознание.

Глава вторая

Эссекс внес тетю Фэнни в гостиную, поскольку там находился ближайший диван; за ним семенили мисс Огилви, запыхавшаяся, со стаканом воды, Мэри-Джейн с таблетками аспирина, которые она всегда носила с собой, и любопытная Фэнси. Миссис Хэллоран не спеша допила кофе и явилась в гостиную последней. Тетя Фэнни мотала головой по подушке и что-то бес-связно лепетала, остальные сгрудились вокруг.

– Разотрите ей запястья, ослабьте корсет, – посоветовала миссис Хэллоран, усевшись в кресло с видом на больную. – Подожгите перо у нее под носом. Поднимите ноги. Используйте все возможные средства; я не хочу, чтобы тетя Фэнни обвинила нас в небрежности.

– Видимо, ее кто-то напугал до потери рассудка, – отозвалась мисс Огилви чуть резче обычного.

– Вот смельчак! – воскликнула миссис Хэллоран. – Невероятно!

– Это был мой отец, – вдруг произнесла тетя Фэнни ясно и отчетливо.

Она села, отведя руки мисс Огилви и Мэри-Джейн и перевела взгляд на миссис Хэллоран.

– Здесь был мой отец.

– Надеюсь, ты передала ему мое почтение...

– Он ждал меня возле солнечных часов; звал и звал... – Тетя Фэнни заплакала. – Противная девчонка!

– А я-то чего? – уставилась на нее Фэнси.

Мэри-Джейн немедленно обняла девочку за плечи.

– Нет уж, позвольте!

– Она убежала и оставила меня одну, а я потерялась!

– Потерялась? – переспросила миссис Хэллоран. – Тетя Фэнни, ты живешь здесь почти сорок лет – где это ты умудрилась потеряться?

– И вовсе я не убегала! – возразила Фэнси.

– Она не убегала! – поддержала ее мать.

– Еще как убежала! Там, на дорожке, был садовник, подстригал изгородь, и Фэнси убежала вперед.

– Когда, Фэнни? – нахмурилась миссис Хэллоран. – Когда это все произошло?

– Да вот только что, утром, на рассвете.

– Нет, – возразила миссис Хэллоран, – сейчас в саду никого нет. Твой брат как раз хотел, чтобы я сегодня поговорила с садовниками насчет изгороди...

– Он стоял на лестнице! – добавила тетя Фэнни.

– Это совершенно невозможно! Если ты видела своего отца – ради бога, кто я такая, чтобы сомневаться в приватных видениях, – но только не садовника. Не здесь, не сегодня.

– Вот и Фэнси его видела!

– Ничего я не видела, – возразила Фэнси. – Я вообще никого не видела сегодня, кроме мамы, бабушки, мисс Огилви и Эссекса...

– Мы пошли гулять...

– Да не ходила я никуда!

– Она все время была со мной, – твердо отрезала Мэри-Джейн.

– Тайный сад ужасно изменился, там было темно и такой густой туман...

– Тетя Фэнни, – перебил Эссекс, склонившись над ней с сочувствием, – расскажите все по порядку – медленно, спокойно, и постарайтесь не плакать.

– Эссекс, – всхлипнула та.

– У нее истерика, – определила миссис Хэллоран. – Дайте ей пощечину, да как следует!

– Тетя Фэнни, пожалуйста, расскажите, как было дело, – попросил Эссекс.

Женщина перевела дух и вытерла глаза платком, любезно поданным мисс Огилви.

– Я не могла уснуть и решила пойти прогуляться, – начала она дрожащим голосом. – Было очень темно, в воздухе висела дымка, но я знала, что скоро встанет солнце. На террасе я встретила Фэнси...

– Не было такого!

– Фэнси, дружок, скажи правду! Я ни в чем тебя не виню, тетя Фэнни любит тебя...

– Да не было меня там!

– Продолжайте, потом разберемся, – поторопил Эссекс.

– Мы пошли по боковой дорожке в сторону тайного сада. Тут мы увидели садовника, и Фэнси сказала, что он выглядит странно...

– Ничего я не говорила!

– Говорила, противная девчонка! Потом мы вышли в сад, но там все переменялось, вокруг было грязно, ужас! Я потерялась, никак не могла найти выход, а Фэнси убежала... Я звала и звала, и там были тысячи статуй, и все они были теплые... – Тетя Фэнни вздрогнула. – Я никак не могла найти летний домик... Я сидела на скамье и думала об Эссексе, о том, как он мог бы мне помочь...

– Не уверена, сколько еще я готова слушать этот бред, – пробормотала миссис Хэллоран.

– ...и тут я нашла летний домик и побежала, но было так темно, и туман стоял такой густой... И вот у солнечных часов я наткнулась на своего отца.

– Я видела, как она бежит, – подтвердила мисс Огилви. – Я сидела за завтраком, подняла голову, заметила ее в окне и подумала: «Вот бежит тетя Фэнни». Честно говоря, я удивилась, но было совсем светло.

– Солнце встало два часа назад, – уточнил Эссекс. – На небе ни облачка.

– Было темно! – заупрямилась тетя Фэнни.

– Да, я ясно видела, как вы бежали по газону, – повторяла мисс Огилви. – Солнце светило, и я подумала: «Вот бежит тетя Фэнни».

– И что же сказал твой отец? – с любопытством спросила миссис Хэллоран. – Надеюсь, передал нам свои наилучшие пожелания?

Тетя Фэнни резко выпрямилась.

– Совсем забыла! – воскликнула она. – Я забыла передать вам сообщение! Папа рассердился!

И она снова заплакала.

– Ну так скажите сейчас, – подбодрил ее Эссекс. Покосившись на миссис Хэллоран, он тихо добавил: – Не послать ли за доктором?

– Ага, за психиатром! – фыркнула миссис Хэллоран. – Садовник, работающий до завтрака – где вы такое видели?

– Он велел передать, что грядет опасность. Сказал... – Тетя Фэнни ломала руки, стараясь вспомнить точные слова. – ...сказал, что грядет опасность, но дом находится под его защитой. Он повторял это снова и снова; велел нам оставаться в доме.

– Да неужели! – язвительно воскликнула миссис Хэллоран, и Эссекс засмеялся.

– Сказал, что грядет огонь, черный огонь... Что он нас всех защитит и мы не должны покидать дом.

– А ты не могла бы передать ему кое-что в ответ? – осведомилась миссис Хэллоран. – Скажи ему, что мне безразлично – опасность там или не опасность...

Ее прервал дикий визг. Мисс Огилви проворно вскарабкалась на стул; Мэри-Джейн вцепилась в Эссекса и даже миссис Хэллоран поднялась из кресла. Небольшая змейка яркого окраса внимательно наблюдала за ними из камина; внезапно она скользнула на мягкий ковер в полуметре от туфли миссис Хэллоран и стремительно исчезла за книжным шкафом.

– Святые угодники! – воскликнула миссис Хэллоран. – Боже милосердный! Эссекс!

Тот не без труда выпутался из объятий Мэри-Джейн.

– Миссис Хэллоран?

– Что это было?

– Змея. Выползла из камина и спряталась за книжным шкафом.

– Вижу, что змея, но откуда она взялась в моем доме?!

– Змея, змея! – визжала мисс Огилви, цепляясь за спинку стула; судя по всему, ей хотелось залезть прямо на стену. – Она укусит нас всех; это была змея, змея!

– Богохульство, – вежливо пояснил Эссекс. – Без сомнения, ее наслал благородный дух, которого вы передразнивали. Пожалуй, вам стоит внимательнее следить за речью.

– Это все ты виновата! – яростно напала на миссис Хэллоран Мэри-Джейн. – Ты его высмеивала, а теперь нам прислали предупреждение! И поверь на слово, второе мне не понадобится! Я останусь здесь, в этом доме, в безопасности, и никто, даже ты, не сможет выгнать меня отсюда перед лицом ужасов, о которых он говорил!

Трясущимися руками Мэри-Джейн прижала к себе дочь.

– Фэнси останется, и я останусь! – объявила она.

– Я распоряжусь, чтобы комнату продезинфицировали, – сказала миссис Хэллоран.

– Ты не найдешь змею, – мечтательно произнесла тетя Фэнни. – Она вся сияла, от нее исходил свет... Ты никогда ее не найдешь.

– Эссекс!

– Да, миссис Хэллоран?

– Я озадачена. Пройдемте в библиотеку, и вы мне все объясните.

В данном аспекте любопытен вопрос веры, включающий и детскую веру в чудеса, и слепую надежду стариков; во всем мире нет ни единого человека, который ни во что не верит. Можно предположить – и не так-то просто опровергнуть, – что люди верят во что угодно, невзирая на степень экзотичности. С другой стороны, абстрактная вера практически невозможна; именно реальность чаши, свечи, сакрального камня укрепляет веру. Статуя бессмысленна до тех пор, пока она не заплачет; философия бессмысленна до тех пор, пока философа не объявят мучеником.

Ни один из людей, живущих в доме миссис Хэллоран, не мог бы честно и без смущения ответить на следующий вопрос: «Во что вы верите?» Веры у них было предостаточно, так же как еды, постели и крыши над головой, однако то была вера во вполне конкретные вещи вроде вкусной еды, мягкой постели и не протекающей крыши, а также в себя как в подходящих получателей мирских благ. К примеру, старый мистер Хэллоран с радостью принял бы веру, которая обещает ему вечную жизнь, однако в саму концепцию вечной жизни он поверить не мог, поскольку умирал. Его собственная жизнь не выказывала никаких признаков выхода за жесткие временные рамки, и единственное свидетельство вечной жизни для него заключалось в молодых членах семьи, которые счастливо продолжают жить и после его смерти. Собственно, в его положении можно ожидать только одной веры – в то, что он не умрет сегодня; остальные верили во что могли – во власть, деньги или утешающий эффект джина.

Фэнси солгала: она действительно была с тетей Фэнни, однако решила не признаваться, что убежала. Она не была напугана, ей просто нравилось дразнить слабых. Ни одно животное, ни единый слуга или ребенок из деревни не стал бы приближаться к ней по доброй воле.

Абстрактную веру можно воспринимать только лишь через ее конкретные проявления, реальную форму, которую обретает божество, пусть даже слегка неясную. Никто из окружения тети Фэнни не поверил в предостережение ее отца, однако все не на шутку испугались змеи.

Мисс Огилви больше никогда не садилась в кресло возле книжного шкафа, хотя прежде это было одно из ее любимых мест.

- Она могла прятаться в дровах, – предположил Эссекс, меряя шагами библиотеку.
- Да, но садовник никак не мог подстригать изгородь, – возразила миссис Хэллоран.
- Даже не знаю, что и думать. Тетя Фэнни так странно себя вела...
- С этим трудно не согласиться. Эссекс, вы можете остаться.

Какое-то время Эссекс молчал, затем произнес:

– Человека можно убедить принять практически что угодно. Прошлой ночью я чувствовал себя униженным, оскорбленным, презренным, жалким... Сегодня тетя Фэнни со своей змеей пролили свет на ситуацию: две катастрофы не могут привести к хорошему, но я думаю, что все-таки не собирался уезжать. Тетя Фэнни была очень добра.

– Я искренне надеюсь, что ей станет лучше, – сказала миссис Хэллоран. – Теперь придется оставить и мисс Огилви, и Мэри-Джейн.

Однако тетя Фэнни продолжала вести себя крайне странно. Физически она была в полном порядке, так что за доктором посылать смысла не имело; и все же она, счастливая, ходила по дому с улыбкой на устах. Пела, смеялась, как влюбленная молодая девушка, с аппетитом съела солидную порцию оладушков. Миссис Хэллоран решила, что та окончательно сошла с ума, однако безумная тетя Фэнни оказалась настолько приятнее вменяемой, что миссис Хэллоран прикусила язык, отводила взгляд в сторону и лишь иногда болезненно морщилась.

Сразу после завтрака – все остались посмотреть, как она ест, – тетя Фэнни внезапно уснула, положив голову на стол, с улыбкой на лице. Во сне она много разговаривала, и, хотя впоследствии никто не мог вспомнить точные слова, все сидели испуганные и шокированные.

Судя по всему, тетя Фэнни вновь слушала своего отца и транслировала услышанное. С закрытыми глазами и счастливой улыбкой на лице она по-детски старательно выговаривала слово за словом. Постепенно выяснилось, что отец тети Фэнни пришел сообщить семье о конце света. Ни тетя, ни ее отец не выражали ни малейшего опасения по этому поводу; и все же мир, казавшийся остальным столь недосыгаемым – обычный, повседневный мир людей, городов, мелких и крупных фрагментов бытия – обречен исчезнуть за одну ночь. Тетя Фэнни кивала, улыбалась, слушала и рассказывала собравшимся о конце света.

В какой-то момент она грустно добавила:

– Бедные люди, какая внезапная, страшная смерть! Мы должны помнить, как нам несказанно повезло!

Немногим собравшимся в доме миссис Хэллоран (который тетя Фэнни теперь считала домом своего отца) обещана полная безопасность. В ночь катастрофы дом будет находиться под охраной, и наутро они выйдут из него невредимые и очистившиеся от скверны. Их ждет новый, чистый и тихий мир, их наследие; на них лежит ответственность за будущее человечества.

– И за воспроизведение новой расы, – добавила с улыбкой тетя Фэнни.

Сразу после этого откровения тетя Фэнни проснулась и попросила бокал бренди, затем удалилась к себе и крепко уснула. Пока она спала, Фэнси играла со своим кукольным домиком, а затем спустилась в кухню, где ее вовсе не ждали. Мисс Огилви постирала нижнее белье со вчерашнего дня и погладила уже высохшее. Мэри-Джейн лежала на кушетке у себя в спальне, читала дамский роман, тайком принесенный одной из горничных, и поедала арахис в карамели. Эссекс сидел в библиотеке под бюстом Сенеки и решал кроссворд. Мистер Хэллоран дремал перед камином у себя в спальне и дивился быстротечности жизни. Миссис Хэллоран долго сидела одна, положив руку на страницы Библии, о которой много лет даже не задумывалась.

Проснувшись, тетя Фэнни сразу вспомнила обо всем, что произошло, включая собственные пророчества, и – как у любого смертного, послужившего рупором Провидения – первая реакция ужаса почти сразу же сменилась праведным самодовольством. Она не знала, почему столь важные сообщения транслировались через ее хрупкую оболочку, однако не сомневалась, что выбор был сделан правильно. Теперь ее воля подчинена высшим силам, и ей ничего другого не остается, кроме как стать властной и требовательной.

Некоторое время тетя Фэнни лежала неподвижно, затем поднялась и подошла к зеркалу. Никаких внешних изменений не произошло, поэтому она решила надеть драгоценности покойной матери, особенно бриллианты, не чищенные со времен ее кончины. Нарядившись, тетя Фэнни поднялась наверх, в крыло, которое занимали Мэри-Джейн и Фэнси, и постучала в дверь. Послышался голос Мэри-Джейн, спрашивающий, кто там.

– Это тетя Фэнни, дорогие мои!

Дверь отворилась. Фэнси убирала свой кукольный домик, а Мэри-Джейн лежала на кушетке, заслоняя собой дамский роман.

– Тетя Фэнни, как мило, что вы заглянули! У меня ужасный приступ астмы – передайте там, внизу, хорошо?

– Но теперь астма вам больше не понадобится!

– А что такое? – резко села Мэри-Джейн. – Она умерла?

– Вы прекрасно знаете, что она вскоре возродится в новой жизни, – раздраженно ответила тетя Фэнни.

– Возродится? – Мэри-Джейн сникла. – Этого мне только не хватало!

– Хочешь-я-столкну-ее-с-лестницы, – пробормотала Фэнси, словно произнося заклинание; видимо, ей регулярно приходилось повторять его перед матерью.

– Как вы думаете, Фэнси, случайно, не отстает в развитии? – спросила тетя Фэнни.

– Она же дочь Лайонела!

– Лучше велите ей перестать. Злость, зависть и страх – все это исчезнет, я же говорила утром. Эксперимент с человечеством провалился.

– Я лично сделала все, что могла!

– Вы хоть понимаете, что вскоре наш мир будет уничтожен?

– Мне совершенно наплевать, – отозвалась Мэри-Джейн. – Разве что они приготовили специальную молнию для нее!

– Прямо весь-весь? – тянула ее за рукав Фэнси. – Даже там, где я ни разу не была?

– Весь, милая. Этот мир – плохое, злое, эгоистичное место, и существа, создавшие его, решили, что лучше уже не будет, поэтому они его сожгут, как игрушку, полную микробов. Помнишь, ты болела корью, и бабушка сожгла твоего мишку, потому что он был заразный?

– Помню, – насупилась Фэнси.

– Вот так же будет и со старым, грязным, больным миром – прямо в печь его!

– Неужели ваш отец действительно так и сказал? – спросила Мэри-Джейн.

– Кажется, я знала это всю жизнь и верила, сама того не сознавая; словно некий чудесный секрет вдруг перестал быть тайной. Отец лишь напомнил то, что я всегда знала и позабыла, и теперь я очень счастлива.

– А кто такие «они»? – упорно продолжала расспросы Фэнси.

Тетя Фэнни покачала головой.

– Уверена, мы о них еще услышим.

– И как это поможет моей астме? – проворчала Мэри-Джейн. – Лайонел растирал мне лодыжки.

Тетя Фэнни ласково погладила Мэри-Джейн по плечу.

– Те, кто переживет катастрофу, больше не будут испытывать боль. Они станут... избранными людьми, в каком-то смысле.

– Как евреи, что ли? – равнодушно отозвалась та. – А разве они не были избранными в прошлый раз?

– Жаль, что вы не воспринимаете меня всерьез, – обиделась тетя Фэнни. – У меня же нет выбора, я всего лишь говорю то, что мне передают. Разумеется, вы под защитой, так же как и остальные обитатели дома, но если вы будете продолжать говорить все, что вздумается, я, право, не знаю, какой от вас выйдет толк. В конце концов, многие были бы рады оказаться на вашем месте, когда весь мир будет уничтожен в геенне огненной!

Она поднялась и направилась к двери.

– Вы надели бриллианты своей матери, – заметила Мэри-Джейн. – Вы же знаете, что по праву они должны перейти мне – Лайонел всегда так говорил.

– Как интересно! – воскликнула Фэнси. – Ужасно интересно! Наверное, большой будет пожар...

– Чудовищный!

– Я бы хотела посмотреть!

– Не сомневаюсь, что тетя Фэнни позволит тебе посмотреть, – ответила Мэри-Джейн. – Фэнни, если вы идете вниз, напомните им про мой поднос с ужином, хорошо?

Тетя Фэнни проворно спустилась вниз, в гостиную, где Эссекс и мисс Огилви пили мартины с миссис Хэллоран. Эссекс запоздало поднялся, чтобы придержать ей дверь, но тетя Фэнни величественно проплыла мимо и села в кресло без посторонней помощи.

– Поистине необычный день, Орианна, – заметила она. – Эссекс, бокал хереса, будьте добры. Теперь, когда нам все известно, пора определиться с нашим положением.

– Если бы в воздухе не витала заготовленная речь, я бы испугалась, Фэнни, – ответила миссис Хэллоран.

– Благодарю, Эссекс. – Заметив, что мисс Огилви кивнула, тетя Фэнни продолжила: – Вот этого больше не надо, Орианна; ты должна вести себя любезно.

Миссис Хэллоран открыла рот и снова закрыла.

– Не стоит забывать о твоём низком происхождении. Есть некоторые утонченные сферы, недоступные человеку твоего круга, – терпеливо объясняла тетя Фэнни, – например – я обозначаю с вашего позволения – область сверхъестественного. Уж здесь-то я точно обладаю непревзойденным авторитетом. Так вот, сверхъестественные силы осадили дом и взяли его в плен. Еще капельку, Эссекс?

– В жизни не видел ничего подобного, – пробормотал Эссекс, обращаясь к графину с хересом. – В тетю Фэнни вселился дух.

– Дух вина, – подсказала мисс Огилви, умудренно кивнув.

– И в самом деле дух, – тетя Фэнни одобительно улыбнулась мисс Огилви. – Мы находимся в кармане времени, Орианна, и божественное око прицельно выбрало именно этот крошечный сегмент...

– Такое никак нельзя отрепетировать заранее, – констатировал Эссекс, оборачиваясь к миссис Хэллоран.

– Тетя Фэнни, перестань нести всякую кошунственную ересь! – воскликнула миссис Хэллоран, и в ее голосе прозвучала зловещая нотка.

– Можешь называть это как угодно, Орианна; можешь сколько угодно повторять, что тетя Фэнни сошла с ума, однако – хотя мне, разумеется, не дозволяется угрожать – сама же и пожалеешь!

– Уже, – отозвалась та.

– Эксперимент с человечеством подходит к концу.

– Вот и отлично – что-то они мне все поднаоели.

– Нестабильность Вселенной будет исправлена, гармония установится, несовершенство исчезнет...

– Интересно, как там живая изгородь, – вспомнила миссис Хэллоран. – Эссекс, вы говорили с садовниками?

– Неисповедимы пути Господни, – торжественно возвестила тетя Фэнни.

– Воистину неисповедимы – я бы ни за что не сделала такой выбор. Однако раз уж тебя никак не заткнуть, учти, что в первую очередь нужно установить гармонию наших с тобой отношений...

– Ты не заставишь меня молчать! – крикнула тетя Фэнни. – Это дом моего отца, я здесь в безопасности, и никто не сможет меня отсюда выставить!

– Фу, до чего противно! – поморщилась миссис Хэллоран. – Эссекс, налейте мне и тете Фэнни тоже. У нас еще есть время до ужина. Вы как, мисс Огилви?

– У нее опять началось, – сообщил Эссекс, выходя на террасу. – Сидит, слушает, кивает.

– Вот только этого пророческого безумия и недоставало, чтобы оттенить обаяние нашей тети Фэнни, – покачала головой миссис Хэллоран.

– Мне кажется, она сошла с ума.

Миссис Хэллоран медленно спустилась по мраморным ступенькам, Эссекс бесшумно шел рядом.

– Какая дивная ночь... Да, такое вполне возможно, особенно в семье моего мужа, однако в данном случае это неважно.

– А если нет? Вам не приходило в голову, что нам действительно следует ожидать мирового катаклизма в самом ближайшем будущем? Если, конечно, в семье вашего мужа не могут ошибаться...

– Меня больше беспокоит ее вызывающее поведение – на тетю Фэнни это совсем непохоже.

– Вряд ли крушение мира повлияет на ее манеры. На вашем месте я бы не допустил ее до общения с вашими друзьями или, по крайней мере, с незнакомцами.

– Эссекс... – Миссис Хэллоран остановилась возле солнечных часов и осторожно коснулась надписи «Что жизнь?» – Эссекс, я не так глупа. За долгие годы жизни я привыкла не верить людям; с другой стороны, меня никогда не просили высказать спонтанное мнение по поводу уничтожения цивилизации. Не знаю, насколько точно моя золовка способна передать сообщение с того света, однако я не могу себе позволить ее игнорировать.

– Значит, вы все-таки верите в бред тети Фэнни?

– У меня нет выбора. – Миссис Хэллоран медленно обвела пальцем слово «жизнь». – Для меня существенное значение имеет власть как таковая. Я не собираюсь оставаться в стороне, когда такие существа, как тетя Фэнни и ее брат, будут вступать в новый мир – я должна быть с ними. Какая досада! – воскликнула она. – Ну почему он не пришел ко мне?!

Подумав с минуту, Эссекс произнес:

– Понятно. Значит, беру назад свои слова насчет бреда и постараюсь заменить их чем-то более политкорректным.

– «Бред» вполне подойдет, – засмеялась миссис Хэллоран. – Я абсолютно в этом убеждена и все-таки настаиваю на том, чтобы меня спасли вместе с тетей Фэнни. Я никогда не сомневалась в собственном бессмертии, но до сегодняшнего дня ни разу не получала, скажем так, явного приглашения в Эдемский сад; тетя Фэнни показала мне, где ворота.

– Тогда мне тоже придется забронировать билет. Тете Фэнни я не верю, а вот в вас несколько не сомневаюсь.

Миссис Хэллоран повернула к дому.

– Жаль, что это вообще пришло ей в голову... – вздохнула она.

– По крайней мере, нам не предписано жить в бедности и celibate.

– Да уж... Признаюсь честно, я не охотнее поверила бы тете Фэнни, если бы мне велели раздать все свое имущество. С другой стороны, тетя Фэнни не получила бы подобного сообщения; оно никак не могло бы предназначаться для нее.

– Интересно, есть ли другие места на Земле, где люди сейчас узнают те же самые неподобные вещи?

– Такая идея предполагает существование других тетей Фэнни – сама мысль об этом невыносима!

– Раз уж мы верим, надо верить до конца, – заметил Эссекс серьезным тоном. – Я готов следовать за тетей Фэнни, потому что согласен с вами: это единственная положительная информация о нашем будущем; если я приму ее сторону, то уже не сверну с пути. Если я поверю в «золотой мир» тети Фэнни, ничто другое мне уже не подойдет – слишком сильно я его хочу.

– Мне бы вашу веру...

Глава третья

Погода, разумеется, стояла отличная. Змею под книжным шкафом так и не нашли, а живую изгородь – в особенности ту, что шла вдоль тропинки в тайный сад, – состригли. Тетя Фэнни каждый день – даже к завтраку – надевала бриллианты своей матери, а вместе с ними и взгляд, полный тихой удовлетворенности, особенно раздражавший миссис Хэллоран. Астма Мэри-Джейн несколько улучшилась. Эссекс, искусный в мелких поделках, вырезал для кукольного домика Фэнси тотемный столб, в нижней части до странного напоминающий тетю Фэнни. Мистер Хэллоран попросил сиделку читать ему «Робинзона Крузо» вместо журналов, и теперь, проходя мимо двери его комнаты, залитой солнцем, можно было услышать монотонное: «После полудня волны совсем улеглись, и отлив был такой сильный, что четверть мили до корабля я прошел по сухому дну. Тут снова у меня зануло сердце: мне стало ясно, что все мы теперь были бы живы...»⁷

Миссис Хэллоран набросала черновой план крошечного амфитеатра, который по ее замыслу должен был располагаться на небольшом холме позади сада, однако его практическое применение осталось в тайне.

Как-то утром миссис Хэллоран получила письмо.

– Я ожидаю гостей, – объявила она за завтраком, тщательно складывая письмо и убирая его в конверт.

– Здесь? – удивилась тетя Фэнни.

– Ну а где еще?

– Разве ты забыла, что в доме траур?

– Ты и сама никогда не вспоминаешь о Лайонеле, разве лишь для того, чтобы мне досадить. Я ожидаю гостей: миссис Уиллоу с дочерьми – это мои старые друзья.

– Не из нашего круга, я так понимаю, – кисло улыбнулась тетя Фэнни, – раз они такие старые друзья.

– Нет, тетя Фэнни, они тебя не порадуют. Как это чудесно – принимать гостей, не обращая внимания на твои вкусы!

– А дочери будут посещать мои занятия с Фэнси? – спросила мисс Огилви.

– Вряд ли. Старшей из них почти тридцать; боюсь, ей уже нечему у вас научиться.

– По крайней мере, они не задержатся надолго, – заметила тетя Фэнни с той же кислой улыбочкой.

– Я не видела Августу лет пятнадцать, – продолжала миссис Хэллоран, – но вряд ли она сильно изменилась.

– Когда они приезжают? – спросила мисс Огилви.

– Шестнадцатого. Это у нас пятница вроде бы, Эссекс?

В пятницу после полудня за гостями отправили машину. В ожидании все собрались в гостиной, за исключением Мэри-Джейн, которой нездоровилось.

Вскоре с улицы донесся мощный голос: судя по всему, гостья вышла из машины и распорядилась переносом багажа. Миссис Хэллоран улыбнулась тете Фэнни, которая тихо считала про себя сумки, шляпные картонки и большие саквояжи, футляры с драгоценностями и тяжелые чемоданы...

– Как нам повезло, тетя Фэнни, что твой отец назначил срок этому визиту, – тихо сказала миссис Хэллоран и поднялась навстречу своей гостье.

⁷ Пер. К. Чуковского.

Миссис Уиллоу, крупная женщина с оглушительным голосом, имела такой вид, словно потеряла что-то очень ценное где-то в районе пышной груди, она периодически тряслась и дрожала, и оглядывала себя с таким энтузиазмом, что невольно хотелось предложить помощь. Во всяком случае, что бы она там ни теряла, хорошее настроение всегда оставалось при ней – отчасти благодаря природному жизнелюбию, отчасти в силу полной душевной невосприимчивости. Миссис Уиллоу была твердо намерена вести себя дружелюбно и отказов не терпела.

– А ты постарела, Орианна! – воскликнула она, входя. – Как я рада! Чем старше мы становимся, тем приятнее видеть то же самое в своих друзьях!

И миссис Уиллоу широко улыбнулась присутствующим, словно готова была тут же прижать всех к мощной груди, этому вместилищу потерянных сокровищ, и приласкать за то, что они с каждой минутой становятся старше.

– Надо заметить, – безмятежно продолжала она, – ты здесь ничего особенно не улучшила. И надо заметить, Ричард Хэллоран тоже выглядит неважно.

Она кивнула мистеру Хэллорану, сидящему у камина в инвалидном кресле.

– В доме траур, мэм, – произнесла тетя Фэнни ледяным тоном.

– А это тетя Фэнни, моя золовка, – представила ее миссис Хэллоран. – Я и забыла, сколько шума ты производишь, Августа!

– И не говори! – Миссис Уиллоу неспешно обернулась, оглядывая каждого присутствующего в комнате, и деловито спросила: – А это что за юноша?

– Эссекс, – пояснила миссис Хэллоран, и тот безмолвно кивнул. – Мисс Огилви.

Последняя засуетилась, беспомощно оглянулась на Ричарда Хэллорана и слабо улыбнулась.

– Помнишь моих девчонок? – спросила миссис Уиллоу, бурно жестикулируя. – Вон та, хорошенькая, – Арабелла, а вон та темненькая – Джулия. Ну-ка, птички, поздоровайтесь с тетей Орианной!

– Постарайтесь называть меня миссис Хэллоран, – сказала та, обращаясь к девушкам.

Привыкшие к манерам родительницы, дочери явно недооценивали остальных. Темненькая Джулия кивнула, буркнула «здрасьте» и отвернулась; Арабелла мило улыбнулась, ее взгляд упал – на сей раз прицельно – на Эссекса, стоявшего позади кресла миссис Хэллоран.

– Как поживаете?

– Что ж... – подытожила миссис Уиллоу, обзрев комнату и ее обитателей. – Мрачно тут у вас. Как тебе мои девчонки, Орианна? Понравились?

– Пока не особенно, – ответила миссис Хэллоран. – Хотя, вполне возможно, я изменю свое мнение при дальнейшем знакомстве.

– Ричард, а вы меня помните? – Миссис Уиллоу подошла к камину. – Выглядите что-то неважно...

– Мой брат тяжело переживает потерю, мэм, – напонила тетя Фэнни.

– Как же, Августа! – кивнул Ричард Хэллоран. – Они думают, что я выжил из ума, но я отлично помню: на вас было красное платье, сияло солнце...

Миссис Уиллоу добродушно рассмеялась.

– Я приехала подбодрить вас немного.

– А помните, – спросил Ричард, поднимая глаза, – как мы велели звонить в колокола на конюшне?

– Ну еще бы! – просияла миссис Уиллоу. – Ах, Ричард, вы были таким весельчаком в свое время, так славно шалили! Но вам здесь слишком жарко! Ну-ка, – она махнула рукой Эссексу, – идите сюда, помогите мне подвинуть кресло.

– С вашего позволения, – вмешалась тетя Фэнни, выходя вперед, – моему брату здесь вполне комфортно. Это дом моего отца, мэм, и мой брат может сидеть там, где ему заблагорассудится!

– Ну конечно, дорогуша! – Миссис Уиллоу фамильярно похлопала ее по плечу. – Надо только отодвинуть его подальше от огня.

– Полюбуйся, кого тыпустила в дом траура! – с горечью произнесла тетя Фэнни, бросая укоризненный взгляд на миссис Хэллоран.

Миссис Уиллоу не слушала: она уже передвинула кресло Ричарда и встала прямо перед камином, приподняв сзади подол юбки, чтобы согреть ноги.

– Надеюсь, ты будешь держаться подальше от слуг, Августа, – сказала миссис Хэллоран.

– Ну-ну! – захохотала миссис Уиллоу, и люстра жалобно звякнула. – И всего-то разочек... – Она широко улыбнулась на всю комнату. – Представьте, старая добрая Орианна помнит... Я расскажу вам, – добавила она, глядя на Эссекса, – когда девчонок рядом не будет. Так! Почему бы нам не восполнить пробел? Орианна, расскажи мне все, что случилось за последние пятнадцать лет!

Арабелла (та, что хорошенькая) уже шептала что-то на ухо Эссексу («Хоть с кем-то можно поговорить!»), а Джулия (та, что умная) внимательно слушала шепот мисс Огилви («Змея за книжным шкафом!»).

– Пожалуй, здесь и без меня достаточно компании, – обратилась тетя Фэнни к миссис Хэллоран. – С твоего позволения, я предпочла бы провести вечер с братом в частной обстановке.

– Вот и отлично! – добродушно отозвалась миссис Уиллоу. – Бедняжку Ричарда нужно подбодрить. Рассмешите его как следует, дорогуша, и он живо взбодрится!

– Орианна? – холодно произнесла тетя Фэнни.

– Разумеется. – Миссис Хэллоран покосилась на Арабеллу. – Ричард, отвезти тебя в твою комнату?

– Я больше не стану есть яйца, – ответил тот. – Орианна, скажи им на кухне, что я больше не хочу!

– Разумеется. А тетя Фэнни побудет с тобой; кажется, для тебя приготовили шоколадный пудинг.

– Орианна, – внезапно насторожилась тетя Фэнни, – а куда ты поместишь своих гостей? Разумеется, в левое крыло, к Мэри-Джейн?

– У Мэри-Джейн траур, тетя Фэнни, ее нельзя беспокоить. Я помещу их в конце коридора, у лестницы, прямо над тобой. Ты ничего не услышишь.

– Я их услышу, Орианна! Ты прекрасно знаешь, что услышу; мой отдых будет постоянно нарушаться!

– Тогда не рассказывайте никому, что происходит! – Миссис Уиллоу подмигнула тете Фэнни; та прижала ладонь к горлу и закрыла глаза.

– Ричард, пожелай всем спокойной ночи, – предложила миссис Хэллоран, разворачивая кресло.

Мистер Хэллоран любезно склонил голову.

– Сладких снов, – пожелала миссис Уиллоу.

– Спокойной ночи, – отозвалась мисс Огилви.

Джулия с Арабеллой синхронно подняли головы и снова опустили. Миссис Хэллоран медленно вывезла кресло из комнаты; тетя Фэнни кинула злобный взгляд на миссис Уиллоу и последовала за братом.

– Ну ты молодец! – ядовито бросила Джулия сестре. – Сразу начала увиваться, шептаться, делать невинные глазки...

– Мы ведь должны понравиться, – возразила Арабелла, лениво трогая светлые кудри.

– ...пыталась отодвинуть меня в сторону!

– Да уж сразу было ясно, как ты ей глянулась!

– Ну-ка замолчите обе! – скомандовала миссис Уиллоу. – Вы здесь не затем, чтобы препираться, куколки мои. Белль, завтра предложишь почитать для нее, поддержишь вязание – ну, придумай что-нибудь, крутись вокруг. Восхищайся садом – пусть проведет тебе экскурсию; польсти как следует – мы все это любим. Джулия, у тебя больше терпения, так что займись... Как зовут малышку? – обратилась она к Эссексу.

– Фэнси, – подсказал тот, явно очарованный гостями.

– Фэнси. Значит, Джулия, займись ребенком. Поиграй с ней, расскажи сказку, причеши ей волосы, подурачься...

– Прошу прощения, – холодно вмешалась мисс Огилви, – но Фэнси – моя ученица. Большую часть дня она занимается уроками.

– Вот как? – Миссис Уиллоу пристально взглянула на мисс Огилви. – Никто не собирается вас ужимать, дорогуша; на всех хватит.

Мисс Огилви коротко рассмеялась.

– Вряд ли отец тети Фэнни так считает.

– А при чем тут отец тети Фэнни? – нахмурилась миссис Уиллоу. – Старикан умер лет пятнадцать как!

Мисс Огилви снова засмеялась, покосилась на Эссекса и наклонилась вперед.

– Видно, придется мне вам рассказать...

– Доброе утро, тетя Фэнни, – поздоровалась миссис Уиллоу; на террасе, где тетя Фэнни с Мэри-Джейн сидели после завтрака, разливались золотые лучи солнца. – И вам доброе утро. Это ваше прелестное дитя? Мои девчонки в нее просто влюбились!

– Завтрак вам уже не достанется, – удовлетворенно сообщила ей тетя Фэнни. – Со стола убрали час назад.

– Ничего, сбегая на кухню – там наверняка найдут что-нибудь для голодной старушки. Как замечательно выглядит ваш брат, тетя Фэнни, прямо удивительно!

– Его недавно хватил удар, мэм; он никак не может выглядеть «замечательно».

– И в самом деле удар, – зловеще покачала головой Мэри-Джейн. – Бессердечное чудовище!

– Кто, я?

– Мать, которая толкает единственного сына с лестницы и оставляет его преданную жену вдовой, – объяснила Мэри-Джейн.

– Мэри-Джейн, не при гостях!

– Вдова... Сирота без отца...

– Мне очень жаль, – неубедительно пробормотала миссис Уиллоу и тут же атаковала тетю Фэнни: – Кажется, вас не было, когда я гостила здесь впервые; величие дома и доброта вашего отца произвели на меня большое впечатление.

– Мой отец был человеком прямодушным и обходительным.

– Вы, может, и не поверите, но его кончина стала для меня личным горем, – печально продолжала миссис Уиллоу. – Я ценила его больше, чем могло бы показаться; действительно прямодушный человек, как вы сказали.

– Вы правы, я ничему этому не верю.

– Тетя Фэнни, я нисколько не хочу вас обидеть. Я испытываю глубочайшее восхищение перед всеми членами вашей семьи, и мои дочери тоже.

– Как и должно быть, – заметила тетя Фэнни. – Меня воспитывали не для того, чтобы я заводила друзей вне своего круга.

– Так ведь больше не будет никаких «кругов», не так ли?

– Что вы имеете в виду?

– Прошлым вечером мисс Огилви поведала нам о радостном послании вашего отца; вам несказанно повезло.

– Боже правый! – воскликнула тетя Фэнни. – Она и вправду вам рассказала?!

– Насколько я поняла, ваш отец четко пояснил, что все, находящиеся в доме, получают... э-э... благословение. Значит, мы с дочерьми приехали очень вовремя.

– Боже милостивый... – повторила тетя Фэнни и умолкла.

– Да, это правда, – подтвердила Мэри-Джейн. – У меня больше не будет астмы. Отец тети Фэнни ясно сказал, что все болезни исчезнут с лица земли после того, как мир очистится.

Наконец тетя Фэнни заговорила слабым голосом:

– Я никогда не перечила отцу. Его распоряжения были довольно ясными; наверное, мне стоило рассказать вам самой. Миссис Уиллоу, вы и ваши дочери... – Тут тетя Фэнни запнулась и чуть ли не подавилась словами, – можете остаться.

– Благодарю вас, – ответила миссис Уиллоу серьезным тоном. – Мы постараемся отплатить вам за доброту. А теперь пойду разыщу что-нибудь на завтрак, а потом загляну поболтать к старушке Орианне.

Миссис Уиллоу нерешительно уселась в хрупкое кресло с цветочной обивкой, прислушиваясь к жалобному поскрипыванию дерева.

– Орианна, ты должна что-то сделать для меня и девочек, ты прекрасно это знаешь!

– Девочек, – поправила миссис Хэллоран.

До появления миссис Уиллоу она занималась домашними счетами и сейчас поглядывала на бумаги, хотя и без особого энтузиазма.

– Ты прекрасно знаешь, что должна мне помочь!

– И твоим дочерям – девочкам, то есть.

– Больше всего я надеюсь от них избавиться. Я всегда считала, что воспитывать детей просто – надо лишь говорить им, что делать, но с этими двумя... Не стану врать, моя умница Джулия – полная дура, а моя красавица Арабелла...

– Кокетка, – подсказала миссис Хэллоран.

– Я собиралась сказать – шлюха, но это все-таки твой дом, тебе виднее. В общем, нам нужны деньги – как всегда, впрочем. Вряд ли ты готова нам их прямо-таки вручить, но ведь богачи вроде тебя непременно знакомы с другими богачами, и рано или поздно найдется кто-нибудь, у кого можно разжиться парой монет. Разумеется, наилучший вариант – выгодный брак; и кстати, метить надо высоко, раз уж зашла речь... Лучше пусть это будет Белль – она красивее, и, если ей сто раз повторить одно и то же, рано или поздно сделает. Кроме того, если Белль выйдет замуж за деньги, я наверняка смогу у нее одалживать; с Джулией достаточно лишь свистнуть. А это что за мадам с ребенком?

– На этом женился мой сын Лайонел.

– Боже милостивый! – Миссис Уиллоу задумалась. – С его-то деньгами! Хотя я не пожелала бы такой участи своим девочкам, даже Джулии. Из-за тебя, я имею в виду: какой смысл терпеть тебя лишь ради того, чтобы раздобыть себе на пропитание? Я бы скорее умерла, наверное. Только без обид, ладно? Ничего личного. А она чересчур много болтает...

– Кто, Мэри-Джейн?

– Разве ты не слышала, что она говорит?

Миссис Хэллоран рассмеялась.

– Нет, так не годится, – вздохнула миссис Уиллоу. – Даже не представляю, как можно жить в такой уязвимой позиции! Чего она этим добивается?

– Может, ей так легче переносить астму?

– Если бы это была одна из моих девочек, – с чувством произнесла миссис Уиллоу, – я бы ее поучила уму-разуму! В конце концов, у нее ребенок, больше никого, так что ты в любом

случае все оставишь девочке, если, конечно, та чего-нибудь не выкинет. Ей бы помалкивать до поры... Что ж, – снова вздохнула она, – вот так всегда, хороший шанс достается другим.

– Кстати, скажи своей Арабелле, что у Эссекса ни гроша.

– Что?! – Миссис Уиллоу резко вскинула голову. – Правда? Ладно, скажу. Знаешь, – медленно продолжала она, – мои девчонки не такие уж плохие. То есть, может, и плохие, вроде того какими были мы в юности... ну, ты понимаешь... Но не сказать, чтоб недобрые или нечестные. Так-то неплохие.

– Только плохие, – улыбнулась миссис Хэллоран.

– А-а, помнишь, значит! Ну тогда ты понимаешь, что они заслуживают помощи. В конце концов...

Миссис Уиллоу пожала плечами и умолкла. Миссис Хэллоран с надеждой взялась за перо, но тут миссис Уиллоу продолжила:

– Seriously, Орианна, мне просто необходимо от них избавиться! Каждый раз, когда подходящий юноша бросит взгляд на Белль или потанцует с Джулией, у меня аж руки трясутся и зубы стучат! Мне больше не под силу их содержать; к тому же сама видишь не хуже меня, что они давно не первого сорта: Белль за двадцать пять, и даже ее парикмахер...

– Я так понимаю, слишком поздно учить их стенографии?

– Слишком поздно учить их новым танцам! – угрюмо ответила миссис Уиллоу; в припадке раздражения она достала сигарету и принялась яростно мерить шагами комнату. – Да что там говорить, я согласна на любого, даже на нищего, если у него найдутся богатые друзья!

Повисла долгая пауза. Миссис Уиллоу ходила туда-сюда, разглядывая занавески, нефритовую сигаретницу, изящные ножки кресел. Миссис Хэллоран задумчиво смотрела на неоконченные счета.

– Фу, какая гадость! – воскликнула вдруг миссис Уиллоу. – Орианна, что это?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.